

елена **СТЯЖКИНА**

Один талант

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С11

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещено.

Серия «Проза Елены Стяжкиной»

Дизайн переплета — Ксения Щербакова

*В оформлении использован фрагмент картины
Анри де Тулуз-Лотрека «Женщина за туалетом»*

Стяжкина, Елена Викторовна

С11 Один талант: [повести, рассказы] / Елена Стяжкина. — Москва: АСТ, 2014. — 319 [1] с. — (Проза Елены Стяжкиной).

ISBN 978-5-17-086276-4

Елена Стяжкина — писатель, журналист, профессор Донецкого национального университета, живет в Украине и пишет по-русски. Она историк, и потому лучше понимает настоящее и чувствует будущее. Ее прозу называют «женской» и «психологической», но все определения теряют смысл, когда речь идет о настоящем таланте, одном, уникальном.

Герои этого сборника тоже наделены талантом — одним на всех. Талантом любить людей, рядом с которыми не светит солнце, и любить родину как непослушного, но единственного ребенка, талантом быть женщиной или мужчиной, жить вопреки, видеть, слышать, сопереживать и терпеть.

Повести из сборника «Один талант» отмечены международной литературной «Русской Премией».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Е. Стяжкина
© ООО «Издательство АСТ»

И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе.

Евангелие от Матфея, гл. 25, ст. 15

РАЗВОД

Разводятся они громко, но уважительно. Прессы, как перца, по вкусу. Без перебора. Павел Иванович держит Ларису Петровну за локоток и говорит проникновенно: «Уверен, что мы останемся друзьями. Близкими людьми». Она смущенно кивает. Павел Иванович хмурится, думает сердито: «Могла бы дать слезу, овца!» Вспышки фотокамер, клацанье затворов.

Их запечатлевают взрослыми, разумными, дружелюбными людьми. Ее — толстой распустехой. Его — подтянутым мачо средних лет.

Да, их пути разошлись. Да, по сути, это только формальность. Да, за тридцать лет накопилось столько уважения, что не передать словами. Они останутся друзьями, конечно. Но у каждого теперь будет своя жизнь. Нет, дети не против. Дети выросли и не против. Нет, нет и еще раз нет, я продолжаю оставаться поборником семейных ценностей. Просто, вполне возможно, они будут формироваться в другой ячейке общества.

С ячейкой получилось не очень, но Павел Иванович улыбается. «Тебя куда-нибудь подвезти?» — спрашивает он любезно. «Нет, спасибо», — тихо отвечает она, не поднимая глаз. Она все еще его боится. Старая дура.

Утром он будет с удовлетворением рассматривать фотоотчет и даст пару комментариев, в которых прозвучит много достоинства и немного грусти.

Лариса Петровна едет домой. Трехкомнатная кооперативная квартира, купленная на бабкино наследство, плюс две свиньи, удачно проданные родителями в дефицитный по мясу год. Квартира считается совместно приобретенной. Павел Иванович давно не живет здесь. Но бывает. Он благородно решил не делить «площадь», если Лариса Петровна поведет себя правильно и не будет лезть туда, куда не просят.

Она не будет. Она привычно втягивает голову в плечи, ожидая сухого едкого замечания: «Пирожки? Еда для нищих», «Щеки обвисли, как у бульдога», «Юбка в горошек хороша для деревни», «Унитаз — лицо женщины».

Она улыбается. Как теперь вести себя правильно, если свод семейных законов отменен круглой гербовой печатью?

Как теперь вести себя правильно, если в шкафу нет вещей для жизни? Есть платье «в пол» с открытыми плечами. Есть платье-чехлы для полуденных приемов. Есть пиджаки, которые она любит больше всего. Пиджаки, по крайней мере, никогда не превращали ее в смешную корову. А быть просто коровой она не считает зазорным.

Лариса Петровна разбирает вещи и на все лады повторяет: «Как? Как вести себя правильно?»

Если нет подруг, нет профессии, нет родителей, нет детей, потому что дети в Европе — это хрупко, тревожно и на отцовы деньги: трогать не смей, не порушь.

Она ищет свитер. У нее должен быть — черный, немаркий, самовязанный, мужем прозванный «колхозным».

Ищет свитер и улыбается.

У Ларисы Петровны нет обиды.

Могло быть хуже.

Он мог на ней вообще не жениться. Павлуша-младший, сынок, рос бы байстрюком. Уже бы и спился. К тридцати

в поселке не спиться трудно. А у него характер мягкий, отзывчивый, но и любопытный. Ее характер. Спился бы и, не дай бог, умер. И как тогда жить?

Все живы и все здоровы — счастье. А в счастье горевать хорошо, сладко. Развод, негодная одежда, вопросы без ответов... Но в смерти и болезни все по-другому. Отсчет беды у Ларисы Петровны — от Павлушиной пьянки-смерти. Страх, что с сыном случится страшное, не покидал Ларису Петровну никогда. «А вдруг? А вдруг?» — причитала она, рисуя жуткие картины Павлушиного взросления. «Примитивная подлинность, — говорил муж. — Умная Эльза». Сначала смеялся над этим, потом стал брезговать. Пожимал плечами.

Не пара. Это всем было ясно. На экзаменах в институт она провалилась. Не сказать, чтобы хотела стать инженером. Неслась из поселка сломя голову. Не хотела «городского типа», хотела просто города Москвы. С асфальтом, электричеством, отоплением, водой.

Когда вода из крана, убирать — одно удовольствие. Чудом пристроилась ходить по квартирам: мыть, стирать. Готовить городские ее не брали. Пробовали, но воротили нос: сильно жирно. Организация называлась «Заря». Зарплата была маленькая, но хозяева всегда давали сверху.

У Павла Ивановича она появилась случайно: их всегдашняя домработница сломала ногу. Такое везение. Отец Павла Ивановича был очень ответственным работником. Берегов не видел, не признавал. Выходил из себя по любому поводу. В застольях пел, матерился, читал Маяковского и норовил побрататься с кем-нибудь кровью. В обычной жизни был тяжелым, вьедливым и крикливым. Мать, Елена Семеновна, тихой тенью шуршала по квартире: прятала ножи, ставила пластинки, меняла тарелки, подавала чай, носила за Иваном Ивановичем тазики, если тот орал: «Блевать изволю!»

Павел из своей комнаты почти не выходил. Сталкиваясь с Ларисой в коридоре, краснел. Лицо его становилось похожим на помидор «бычье сердце».

По коридору Павел ходил в туалет. Если бы не позывы срамного низа, Лариса могла бы вообще никогда его не увидеть. Не увидеть и не пожалеть.

Громче всего Иван Иванович орал на Павла. Обычно останавливался у закрытой двери в его комнату и заводился с полоборота: «Гений среди удобрений! Сидит, штаны протирает. Ничтожество, хлюпик. Золотая медаль как в жопе сталь. Подтянуться три раза не может. Гнида вшивая. Захребетник. Читатель сраный. Чтоб через пять минут доложил о прорывах на своем участке работы! На мне всю жизнь собираешься ездить? Я тебе путевку в жизнь, а ты мне что? Где показатели? Чем удивишь-похвастаешь?»

В комнате Павла обычно было тихо. Он писал дипломную работу. Весь пол был заставлен книгами. Лариса вытирала их от пыли уважительно. Маркс, Ленин, «Материалы XXV съезда КПСС». Красивые коленкоровые обложки, страницы в карандашных пометках, закладки с картинками из мультфильма «Ну, погоди!».

Лариса помнит: все случилось утром. Громкое, выразительное шествие Ивана Ивановича на работу быстро сменилось на душное придирчивое собрание Елены Семеновны, а завершилось грозowymi раскатами из комнаты Павла.

Он рыдал, думая, что наконец-то остался сам. Без материнских ежечасных проверок, без «держи спину, убери локти», без чая с лимоном, поданного на подносе, без ручного эспандера, который ему запрещалось выпускать из незапятой руки.

«Миленький, родненький, ну что ж ты так? Хороший мой?» — бормотала Лариса, решительно открывая дверь, обнимая, прижимая к груди, стаскивая с него рубашку, растегивая штаны. «Ну что ты, все же хорошо, хорошо», — она сама его целовала, зная, что так — утешит, усилит, умножит его вечный ноль на что-то важное и значительное. Зная, что не результат, а процесс этого умножения спасет его на минутку. А из минутки — час, а из часа — день, а из дня — уже и жизнь. Он был первым ее мужчиной, но ничего

стыдного в том, что делалось, она не видела. Стыд в голове, в языке, в словах. Тело берет свое честно. На голое комсомольский значок не нацепишь. Вообще ничего не нацепишь, кроме другого голого, которое ух как отозвалось — и щедро, и много, и благодарно.

Отозвалось, привыкло, прикипело, изо дня в день. Павел укрупнялся ею, успокаивался, примеривал и тренировал на ней, уставшей и счастливой, то торжествующую улыбку, то покровительственное похлопывание — по спине, по попе, то начальственный, почти папенькин тон. Она не сердилась, думала только: если ему радость, то и ей радость.

Больше никогда в жизни он не плакал. Возмужал.

Павел Иванович бреется. Любуется собой. Есть чем: кожа как наливное яблочко. Боялся сначала «бабских процедур», потом пристрастился. С молодостью расставаться трудно. После сорока у нас людей нет. И земли для них нет. И кормлений. Павлу Ивановичу пятьдесят три. Но — мальчик. «Птичий хребет», который так раздражал отца, сейчас в пользу. Мясоросло, зато ни жира, ни пуза, ни второго подборodka, ни одышки. Вчерашняя позорная несолидность сегодня читается как спортивность. «Нужно только выучиться ждать» — и все недостатки войдут в моду, и пороки войдут, и в скором времени, наверное, грехи.

Он тревожится. Не поспешил ли с разводом, не позволил ли себе лишнего, не сунулся ли «попэрэд батька»? Должность у него министерская, гуманитарного блока, а значит, телевизионная и с международным акцентом. Павел Иванович — персонаж. У него есть ампула. Семейные ценности входят, прелюбодеяние — нет. А Лариса его старила. Позорила. Лягушонка в коробчонке. Без шанса на превращение. Сначала журналисты над ней смеялись. Потом стали жалеть. Щадили. Но зачем Павлу Ивановичу снисходительность обслуги? Там, где он сам строит свою жизнь, где казнит и милует, ест и спит, где пьет, шутит и даже иногда танцует, простых людей нет. Вообще нет людей. Только пространство,

которое измеряется континентами, и время, настроенное на первые часы страны.

Хорошо, что он заранее, до всего, придумал Ларисе биографию: не колхозница, а русская немка с родителями, вернувшись из Казахстана в другие степи, к рекам и даже морям. И не уборщица, а секретарь-машинистка, студентка-заочница, иностранные языки. Он даже фамилию ей девичью назначил новую, а старую постарался забыть. Обмен паспортов по случаю потери родины пришелся как раз кстати. Свидетельство о рождении Ларисы он выбросил.

Надо выбросить и тревогу. Надо выбросить, но Павел Иванович почему-то ждет от нее, от Ларисы, удара. Неспособная ни на что, сжатая им самим до состояния плоского червя, она может сказать свое деревенское: «Ах так?!» Скликать коршунов, падальщиков, кормить их с рук честными слезами и отбить половину. «Белую половину», которая была меньше черной, но именно с нее Павел Иванович демонстративно жил, стараясь, чтобы явные расходы не превышали доходов.

Павлу Ивановичу нравится сытая честность. Он наслаждается возможностью при всяком удобном случае подчеркнуть: «Да, я пришел во власть из бизнеса. Да, я один из пионеров приватизации. Да, я получаю дивиденды. Я советую и вам декларировать доходы. Это очень по-европейски».

Отдать Ларисе половину или пусть даже четверть означает необходимость вывести «в свет» те, другие деньги. Или снизить уровень жизни. Или сидеть и бояться блоггеров, хипстеров и старых товарищей из службы безопасности, которые внесут в первый кабинет список всех его фирм, офшоров, банковских вкладов, всех осторожно, вдумчиво спрятанных от дележа с теми, кто ныне кормит и правит.

Он боится Ларисы? Неужели он ее боится?

Она не отвечает на звонки. Она не приняла от курьера документы об отказе от материальных претензий. Не приняла — значит, не подписала. Она игнорирует Павла

Ивановича? Провоцирует? Хочет, чтобы он приехал сам? Просил-умолял?

Тогда она будет алкоголичкой.

Павел Иванович приглашает пресс-секретаря. Формирует из своего дорогого лица скорбную маску и дает добро на то, чтобы в прессу просочились слухи о том, что Лариса Петровна — сильно пьющая женщина. Сильно и наследственно. В тяжелых запоях она не ведает, что творит. Она вредит себе и другим. Павел Иванович лечит ее который год. И вот, спустя месяц после развода, снова рецидив и снова клиника. Ему больно. Но ничего не поделаешь. Они всё еще друзья. И он никогда не бросит друга, в какой бы тяжелой ситуации ни оказались они оба.

Пресса откликается, как женщина, — со стоном, податливо, мягко, но и со страстью, с агрессивно торжествующим финалом.

Павел Иванович — молодец. Он ждет, что Лариса позвонит. Запрочитает в трубку, сдастся. Попросит не позорить ее хотя бы ради детей.

На всякий случай Павел Иванович приказывает секретарше не соединять его с женой. «В клинике все частные звонки запрещены. Разговоры только через врача. Иначе не будет эффекта». Девушка-недотрога, дочь товарища по плаванию в бассейне, понимающе кивает. Вздыхает. Жалее.

Чем дольше Лариса помучается-побьется, тем послушнее будет.

Он мстительно не пополняет счет на ее карточке. Хотя обещал.

Лариса Петровна прикидывает, как будет жить дальше. Купить новорожденного теленка? Или двух? Просят по семнадцать рублей за килограмм забойного веса. Можно сторговаться по двенадцать. Лариса Петровна уверена. Но выхаживать, кормить, лечить... А если не вылечить? Пропадут деньги, труды. Придет зима, она — без коровы. Если уродит картошка, можно протянуть. А если не уродит?

У родителей была корова эстонской породы — красавица, умница. Любила быка Федыку. Других и близко не подпускала. Зачем-то назвали ее Эля. Элеонора. Весь поселок смеялся.

За «эстонку» с двумя отелами просят почти две тысячи долларов. Лариса Петровна скопила на черный день пять. Муж деньгами не баловал: «Зачем тебе? Живешь при коммунизме. Всё, что надо, привозит мой водитель...»

Подарками не баловал тоже. Наряды покупал строго по делу: в одном и том же «в люди» — не комильфо. Драгоценности брал напрокат. Если отправлял на отдых с детьми, требовал отчета за каждую копейку. Когда открылась оллинклюзивная Турция, Лариса Петровна вздохнула с облегчением. Она ездила с детьми только туда. К другим — теплым и не очень — морям Павел Иванович возил детей сам.

Случайные деньги стали забредать к Ларисе Петровне, когда дети уехали и Павел окончательно переселился в загородный дом. Он называл их брак гостевым. Два раза в неделю наезжал, с порога презрительно цедил: «Опять в халате! Оборванка...» Но после этих слов хватал ее, прижимал так, что хрустело в спине, и жадно, как будто с голодного края, набрасывался на жареную картошку, свиные отбивные, пирожки и на нее саму. Потом, привычно стыдясь того, что Лариса Петровна считала радостью, комментировал: «Живешь как животное и меня вынуждаешь...» С этим и уходил, она улыбалась, ни о чем не спрашивая, и неизменно находила под хлебницей деньги, оставленные как будто не проститутке, а на общее семейное хозяйство.

С них и скопила.

На пять тысяч Лариса Петровна рассчитывает перекрыть кровлю родительского дома, поставить баню, починить отцовский самогонный аппарат, припрятанный от Горбачева в подполе и забытый там за долгую лежачую батину болезнь. Еще вскопать двенадцать соток использованной соседями земли, посадить все, что нужно для жизни. И чуть-чуть — для болезни и баловства. На зиму — дрова. Из одежды — пока

ничего. Материн ватник, юбки, шерстяные кофты, кирзовые сапоги, пара платков. Соседям не пригодилось. Хоть и пьющие, но про ненужные вещи написали. И о том, что стерегут их, как собака двор. Материны вещи Ларисе Петровне теперь в самый раз. Плюс черный свитер, два пиджачных костюма, плащ и стеганое болоньевое пальто на синтепоне. Лариса Петровна рассчитывает устроиться в школу. У нее — иностранные языки. Немецкий, как у Леночки, и английский, как у Павлуши.

Каждый день она звонит детям.

Павлуша сбрасывает звонок. Скорее всего, сынок просто занят. Он юрист в Бирмингеме, у него много работы. А вечером спортивный зал, друзья, девушка...

Леночка не берет трубку. Наверное, не слышит. Или ей дорого. Лариса Петровна понимает: роуминг и бойфренд. Бойфренд Леночки — немец. Немцы — жадные. Вполне может не разрешать. Но она все равно звонит, чтобы знали — с ней все хорошо, она у них есть. Иногда подкатывает тоска. Страх стучит сердцем о ребра. Но если бы что не так, ей, Ларисе Петровне, уже позвонили бы. На этот самый номер, который каждый день сохраняется в «пропущенных вызовах» у Леночки и «принятых» — у Павлуши.

Павел Иванович борется с торговлей людьми. Он защищает детей и женщин. Это большая струя. Не нефтяная, но по репутационной емкости сравнимая. Он дает интервью, проводит «круглые столы», участвует в судебных процессах и недавно даже помог в задержании международного сутенера, который напился и забыл «живой товар» в аэропорту. Товар был молодой, вьетнамский и думал, что едет учиться. Вьетнамки сами позвонили в университет и попросили узнать, зачислены ли они и могут ли ехать в общежитие. Они так плохо говорили по-русски, что в приемной комиссии только и сумели разобрать слова «нет паспорта» и название аэропорта. Хорошая формула «как бы чего не вышло» заставила членов приемной комиссии позвонить в посольство

Вьетнама. В успешно разработанной спецоперации Павел Иванович был настоящим рыцарем. Мелкие и черные, как семечки, вьетнамки, благодарно гладили его по рукам. Телевизор ничего не испортил.

«Она смотрит телевизор? Она понимает, с кем связалась?» Павел Иванович злится, признавая, что сам виноват и что надо было подписать все бумаги до. Он честно додумывает эту мысль. Привычка «отдавать себе отчет», когда-то вбитая отцом в ухо, зарубленная на носу и располованная ремнем по спине, ведет-тащит его по закоулкам причин и мотиваций. Павел Иванович не подписал бумаги до, потому что ему хотелось быть царем Ларисиной горы. Потому что он рассчитывал еще кое-какое время менять свое благорасположение на ее послушание. Потому что, в конце концов, голая и морщинистая Луна — спутник нарядной Земли. И ясной ночью Луну должно быть видно в окно.

Нет облегчения, нет ощущения сброшенного креста. Если браки совершаются на небесах, то разлучает не развод, а смерть. Мысль представляется неожиданно православной. Павел Иванович собирается сказать об этом своему духовнику. И может быть, своим коллегам, «министрам-капиталистам», среди которых слывет умником.

Отец умников ненавидел, подозревал за ними сомнения, а значит, трусость. Отцова биография прошла мимо трусости счастливой линией неизменной правоты. Ему повезло родиться так, чтобы в семнадцать уйти на фронт, а после всю жизнь верить без колебаний...

Комсомол, партия, смерть вождя, проросшая пшеницей на целине. Гибель первой, румяной и смешливой, жены, чья фотография всегда висела в отцовой спальне. Павел Иванович подозревал, что щеки морковным, почти оранжевым, ей все-таки подрисовал какой-то сельский фотограф, который в этой новой, блестящей жизни вполне мог бы прославиться как стилист.

Отец осиливал дорогу, не замечая, как она побеждала его, отравляя веру реальностью и цинично предлагая

за это выпить. Мать, Елена Семеновна, была правильной женщиной. Ниткой. Но ниткой тонкой, шелковой. Таковую не станешь использовать для штопки носков. Отца это злило. Та, румяная, с фотографии, наверное, была ему ближе. От Елены Семеновны веяло холодом, который не считывался тогда как сдержанность или порока, а понимался как отчужденность. Отчужденность не только от отца. А от всего, что было ему важно и дорого. Павел был отцовской неудачей. И потому что внешне походил на мать, и потому что ни веры, ни силы в нем не было. И воспитание не прибавляло ничего, кроме навыка мудрствовать и притворяться.

Все, что Иван Иванович беззаветно строил, рушилось у него на глазах. Мертвело самым главным — детьми. Сыновья и дочка тех, кто проливал кровь, и тех, кто протирал штаны, объединялись странными и опасными желаниями, в которых было одно сплошное личное. То самое, что уже давно казалось побежденным или, по крайней мере, надежно спрятанным от чужих и своих тоже глаз.

«Личного надо бояться. Потому что только общим... Общим добром и держимся... Вот, например, веник...»

Ни веник, ни легко переломленные его прутья, ни жажда общего не помешали семидесятилетнему Ивану Ивановичу назвать своими куски распадающейся страны. «Разворуют без пользы и по миру пойдут. На сохранение берем. Наше спасаем», — говорил он хмуро, вникая в схемы хозяйского использования не пропитых народом ваучеров.

Но из детства и из юности Павла отца — хваткого капиталиста — увидеть было никак нельзя. Невозможно. Ни у кого не нашлось бы ни смелости, ни фантазии.

Отец так упорно выбивал из Павла «личное», что было понятно: выбивает и из себя. Подпитывает криком слабеющую веру. Плюет в будущее в расчете на то, что из плевка получится оазис и будет откуда подать воды.

Стыд. Стыд. Стыд.

Только им прощивалось детство. Ночью и днем — стыд. Он нападал со всех сторон — нет кроссовок, нет друзей, нет

победы в забеге на сто метров, нет лица актера Урбанского, нет роста и джинсов, нет таланта, нет сил... Есть прыщи, очки, потные ладони, неуправляемые сны, шепот за спиной. Есть отличные оценки. «Но не факт, — шелестит в ушах голос матери, — что их ставят тебе». Стыд не дым. Дом. Но крыть его нечем. И что с этим было делать? Признать и носить, как орден? Павел и так признавался всегда и во всем — в том, что случайно узнал «плохие» слова, списал на контрольной, позавидовал чужому портфелю-дипломату, не думал о Родине, проснулся «мерзким и мокрым». «И в мыслях не сметь! Не сметь врать!» — кричал отец. И Павел ежевечерне ходил в его кабинет сдаваться. Иван Иванович очень удивился бы, если бы ему сказали, что в свободное от ответственной работы время он служил исповедником странной церкви, в которой бог не прощает, а значит, не существует.

Лариса не отвечает на звонки. Не открывает дверь. И не зажигает вечерами света. Павел Иванович отпускает водителя, садится за руль сам. Едет к дому. Сидит в машине минут сорок, час. Время вечернее, телевизионное, сериальное. В ее окнах темно.

Он может подняться, войти. У него есть ключи. Он вообще может остаться. Он здесь прописан. Если она поменяла замки, он может вызвать слесаря. Почему нет? Все по закону.

А если она умерла?

Павла Ивановича охватывает паника. Он дает ей волю, зная, что не победит, но переждет. Он позволяет ей, панике, разгуляться, нарисовать свои примитивные, безвкусные, с перехлестом полотна... Он позволяет.

Мертвая в квартире. Запах. Милиция. Соседи. Пресса. Или сначала соседи. Звонок ему на службу. И сразу же в редакцию ток-шоу.

На улице? В транспорте? В подворотне? Без документов. Давно лежит в морге. Неопознанное тело держат там... Сколько? Месяц? Потом хоронят за государственный счет в братской могиле. С мужиками.

Леночка спросит: «Где мама?»

Ему выразят сочувствие? Ему, чья жена, пусть бывшая — ну и что? — похоронена с бомжами? Его будут утешать? Соболезновать? Да разорвут в клочья. И те, кто улучшил свое семейное положение, женившись на «губах-уточках», и те, кто изнывал от скуки, оставаясь верным первому брачному призыву. Его у-ни-что-жат. И выбросят на потеху публике. «Тебе же нравится быть шоуменом, вот и будь...»

Он может уехать. Прямо сейчас, пока никто никого не нашел, потому что еще не искал. Паспорт, деньги, самолет. Достанут? Или отпустят? Конечно, отпустят. Посмеются и отпустят. Но будут говорить и помнить: клоун, дешевка, не мужик.

Не мужик. Не мужик. Не мужик.

Идиот.

Эксгумация. Генетическая экспертиза тела. Всех тел из всех братских могил? Как это вообще делается?

Пусть отдадут. Наше спасаем. А чужого не надо.

Пусть отдадут. И будет у Ларисы приличная могила. Или хорошенькая, приватная, позолоченная урна. Павел поставит ее на каминной полке в доме, который построен на берегу чужого лазурного моря. Он будет смотреть на нее. Улыбаться. Он будет говорить: «Знакомьтесь, друзья, это моя лягушонка в коробчонке приехала».

Когда паника отступает, Павел Иванович набирает номер сына: «Павлуша? Ты как? Что нового? Как погода? Мать звонит? Из клиники к тебе не сбежала?»

Поездом, автобусом, попуткой. Если попутки нет — пешком. Когда-то ждали, что будет свой вокзал. Прикидывали, как придет первый поезд и люди выйдут из вагонов на центральную площадь. Прямо к клумбам с мальвами и васильками. Старожилы говорили, что видели чертежи — и здания, и перронов. И кто-то из них даже лично разглядывал проект, где точно были рельсы. Пока никудашние, но по направлению — точно «наши».